

НАША ЖУРНАЛИСТИКА.

с. 313

Приступая къ литературной оцѣнкѣ журнала «Русская Мысль» за текущій годъ, будетъ не бесполезно напомнить читателю, что, при закрытіи «Отечественныхъ Записокъ», сотрудники ихъ перешли частью въ «Наблюдатель», частью въ «Русскую Мысль», и что эти самые журналы были предложены на выборъ, для удовлетворенія подписчиковъ внезапно прекратившагося изданія. Это обстоятельство указываетъ, что покойный М. Е. Щедринъ не безъ основанія остановился на выборѣ означенныхъ журналовъ:—А. П. Пятковский, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ постояннымъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ» по отдѣламъ русской исторіи, литературы и педагогики ¹⁾; а С. А. Юрьевъ ²⁾ находился съ Салтыковымъ въ личныхъ дружескихъ отношеніяхъ. Оно же обязываетъ оба журнала не пренебрегать, по крайней мѣрѣ, добрыми литературными обычаями. До сихъ поръ было принято, что, при обзорѣ современной журналистики, органы печати обязаны передъ той же читающей публикой *не замалчивать* другъ друга, а разбирать взаимно достоинства и недостатки. Простое приличіе обязываетъ литературнаго обзорѣвателя воздавать должное каждому журналу: ихъ такъ мало у насъ, и едва ли простительно замалчивать какой либо изъ нихъ только потому, что по нѣкоторымъ вопросамъ этотъ журналъ имѣетъ свое особое мнѣніе. Между тѣмъ «Русская Мысль», заведя у себя спеціально «библиографическій отдѣлъ», съ давнихъ поръ игнорируетъ существованіе «Наблюдателя» и даже не хочетъ указать публикѣ причины столь нелитературнаго отношенія къ своему собрату. Если «Русская Мысль» расходится съ «Наблюдателемъ» по еврейскому

¹⁾ Нѣкоторыя статьи А. П. Пятковского изъ «Отечественныхъ Записокъ»:—«Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова», «Опытъ философской разработки русской исторіи», «Цензурный прозѣтъ Магницкаго», «Новая передѣлка карамзинской теоріи» и пр.—вошли въ его монографію: «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія», выдержавшія два изданія.

²⁾ Впрочемъ, г. Юрьевъ, вскорѣ по передачѣ подписчиковъ, былъ удаленъ изъ редакціи «Русской Мысли».

или иному вопросу, то она обязана «обличать» ошибки его и предостерегать такимъ образомъ читателей. Вотъ приличное отношеніе борющихся сторонъ въ литературѣ. Замалчивать противника—признакъ слабости, а не такта въ данномъ случаѣ. Разладъ по еврейскому вопросу существуетъ у «Наблюдателя» и съ «Русскимъ Богатствомъ», однако литературные въ немъ люди (Н. К. Михайловскій) заявляли печатно свое удивленіе, что «Русская Мысль», разбирая весьма старательно всѣ русскіе журналы, не касается *одного* только «Наблюдателя»; а г. Южакъ въ августовской книжкѣ «Русскаго Богатства» выступилъ съ обширной статьей противъ «Наблюдателя» по еврейскому вопросу, рекомендуя въ то же время своего противника слѣдующими словами: «Пятнадцатый годъ издается въ Петербургѣ ежемѣсячный журналъ «Наблюдатель». Его редакторъ-издатель А. П. Пятковскій имѣетъ *нѣкоторыя* литературныя заслуги (и на томъ спасибо!). Историко-литературныя статьи г. Пятковского въ «Современникѣ» шестидесятихъ годовъ обращали вниманіе. Біографіи Веневитинова и Одоевскаго тоже должны быть упомянуты съ благодарностью. Журналъ свой ведетъ г. Пятковскій неизмѣнно въ одномъ и томъ же духѣ, съ явственными симпатіями просвѣщенію, гуманности и прогрессу, и съ несомненною враждою къ обскурантизму и реакціи». При такомъ отношеніи журналистовъ другъ къ другу, возможно и разъясненіе вопроса въ интересахъ читателей. «Русская Мысль» чужда этого обычая относительно «Наблюдателя». Повинуясь общему еврейскому лозунгу, она просто замалчиваетъ его существованіе, словно боится его тѣни, и, повидимому, считаетъ болѣе пристойнымъ совсѣмъ не заниматься журналомъ, въ которомъ нерѣдко работаютъ тѣ же самые сотрудники, что и въ «Русской Мысли», и въ которомъ литературно-научный матеріалъ достаточно разнообразенъ и отвѣчаетъ по преимуществу серьезнымъ вопросамъ русской жизни. Съ своей стороны, мы не будемъ платить «Русской Мысли» ея же монетой (такъ какъ не держимся ветхозавѣтнаго правила: «око за око, зубъ за зубъ»), а постараемся отнестись къ ней, согласно добрымъ литературнымъ обычаямъ, внимательно и безпристрастно.

Достоинство общелитературнаго журнала, конечно, зависитъ во многомъ отъ его художественнаго отдѣла. «Русская Мысль» имѣетъ у себя за настоящій годъ гг. Григоровича, Чехова, Немировича-Данченко, Станюковича, Салова, Потапенка—имена, съ которыми можно, повидимому, спокойно выпускать книжки журнала. На повѣрку, однако, оказывается, что никто изъ нихъ не далъ въ журналъ сколько нибудь крупной вещи. «Шикникъ» Григоровича имѣетъ претензію выставить «праздныхъ, дурно направленныхъ лицъ, су-

ществованіе которыхъ опредѣляется словами: жить для себя и веселиться». Именно такія лица могутъ быть только въ «большомъ свѣтѣ»; но, давая одну изъ картинъ его жизни по ресторанахъ, со скандалами и участіемъ въ нихъ женщинъ, г. Григоровичъ далеко не исчерпалъ того, что говоритъ объ этихъ людяхъ: «Какое у нихъ пренебреженіе ко всякому интересу, какъ только рѣчь не касалась охоты, плоской насмѣшки, сплетни! Какая зависть къ чужому успѣху! Какое мнѣніе о своемъ значеніи, ничѣмъ лично не оправданномъ, и—что еще глупѣе, — основанномъ на древности рода безъ особенныхъ даже заслугъ со стороны предковъ!» Упомянутая объ этихъ отрицательныхъ сторонахъ, г. Григоровичъ обязанъ былъ воплотить ихъ въ живые типы; между тѣмъ, онъ изобразилъ художественно одинъ только «Пикникъ» съ безконечными разговорами, танцами и обжорствомъ участвующихъ въ немъ лицъ.

Его герои живутъ «Пикникомъ», за которымъ у нихъ нѣтъ ни просвѣтленія, ни наказанія, ни общественной и государственной жизни. А между тѣмъ «веселящійся» петербуржецъ иногда кончаетъ острогомъ, а чаще помыкаетъ судьбой многихъ людей, стоящихъ внѣ «пикниковъ»... Однихъ разговоровъ барина съ лакеемъ, однихъ комплиментовъ барышнямъ за танцами и описанія загороднаго ресторана недостаточно для воспроизведенія жизни даже самыхъ пустыхъ людей.

Разсказъ г. Ант. Чехова: «Домъ съ мезониномъ» еще менѣе обработанъ и напоминаетъ собою блѣдныя произведенія символистовъ, исповѣдующихъ, что художникъ долженъ давать одни намеки на дѣйствительность, заставляя читателя самого догадываться о ней и, такъ сказать, продолжать въ самомъ себѣ работу художника. Чаще всего, однако, художники подобнаго типа, по выраженію г. Буренина, разрабатываютъ «образцово-глупые сюжеты»,—напримѣръ, убійство съ красивымъ жестомъ,—и отрицаніе прогрессивнаго или ретрограднаго направленія во имя просто литературнаго. Въ этомъ «направленіи безсодержательности», неизвѣстно ради чего, недавно описано г. Боборыкинымъ препровожденіе времени престарѣлаго паралитика («Въ капканѣ»); а г. Денисовымъ («Внѣ времени») — любовь молодого человѣка къ семидесятилѣтней старухѣ и т. д. Конечно, г. Чеховъ только до нѣкоторой степени отражаетъ эту школу въ своихъ сумашедшихъ герояхъ («Палата № 6»),—въ самоубійцѣ Ивановѣ и облѣнившемся пейзажистѣ, прикрывающемся философскими цѣлями прогресса около барышень въ «Домѣ съ мезониномъ»;—но онъ все таки очутился уже за послѣднее время на пути къ беллетристамъ «Сѣвернаго Вѣстника» и отходитъ все дальше отъ старой школы русскихъ беллетристовъ, изо-

бравшихъ не безцѣльные эпизоды, съ туманными разговорами умалишенныхъ героевъ и самоубійцъ, но общественныя явленія въ живыхъ типахъ. У г. Чехова анекдотическій умъ, съ претензіей на глубокомысліе, отразился и въ его новомъ произведеніи, недодѣланномъ, исполненномъ загадокъ и неопредѣленныхъ намековъ. Самое заглавіе «Домъ съ мезониномъ» совсѣмъ не отвѣчаетъ тенденціозному содержанію разсказа... У г. Альбова есть разсказъ: «О томъ, какъ дрова горѣли»—и это отвѣчаетъ, по крайней мѣрѣ, психопатической развязкѣ, къ которой пришелъ его герой передъ самоубійствомъ, сообразивъ, что его полная взаимности любовь къ дѣвушкѣ можетъ въ послѣдствіи пройти и сгорѣть также, какъ дрова въ каминѣ; у Тургенева «Дворянское гнѣздо» отвѣчаетъ социальному положенію его героевъ и т. д. У г. Чехова «Домъ съ мезониномъ» въ деревнѣ—произведеніе деревенскихъ плотниковъ, и ничего болѣе. По содержанію же разсказа можно подумать, что авторъ проповѣдуетъ старую истину, что не однимъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ, а его Лида, съ восторженной рѣчью о нуждахъ народа, такъ односторонняя и узкая, что не видитъ иныхъ дорогъ къ счастью, какъ только на поприщѣ акушерки или учительницы. Намѣреніе автора, очевидно, было изобразить нѣкое *бревно* въ лицѣ этой новой женщины; для чего онъ и противопоставилъ ей сестру Женю, хотя и безъ всякихъ разговоровъ о народѣ, но якобы съ живой душой и широкимъ интересомъ къ жизни. Выполнить, однако, этотъ великолѣпный планъ г. Чехову не удалось и онъ ограничился анекдотомъ весьма сомнительной содержательности. Его нелюбимая героиня «была живая, искренняя, убѣжденная дѣвушка, и слушать ее было интересно, хотя говорила она много и громко—быть можетъ, оттого, что привыкла говорить въ школѣ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ хочетъ дать понять, что едва ли хорошо, когда всѣ женщины непременно хотятъ быть «современными» и, имѣя собственные средства, ищутъ мѣста, отбивая кусокъ хлѣба у нуждающихся людей. «Не смотря на хорошія средства,—говоритъ онъ,—Лидія была учительницей въ земской школѣ и получала 25 рублей въ мѣсяцъ. Она тратила на себя только эти деньги и гордилась, что живетъ на собственный счетъ». Не безъ задней мысли онъ упоминаетъ и о «перчаткахъ» въ деревнѣ, и въ то же время рисуетъ Лиду героиней-мученицей, съ перваго слова выговаривающей гостямъ за ихъ безучастіе къ земскимъ собраніямъ, и т. д.

Не менѣе черства она и къ своимъ родителямъ. Ея сестра Женя минуты жить не можетъ безъ мамы, и когда одна уходила въ садъ, то другая уже стояла на террасѣ и, глядя на деревья,

окликала: «ау, Женя!» или: «мамочка, гдѣ ты»? Между тѣмъ, «Лидя никогда не ласкалась, говорила только о серьезномъ; она жила своею особенною жизнью, и для матери, и для сестры была такою же священной, немного загадочной особой, какъ для матросовъ адмиралъ, который все сидитъ у себя въ каютѣ». Она даже разстроила романъ своей сестры съ художникомъ только потому, что послѣдній не нравился ей своимъ направленіемъ, и сухо объявила ему объ этомъ, не выходя изъ своей комнаты и не прерывая урока съ ученицей.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ какъ будто бы и выясняется типъ прекрасной учительницы, но вмѣстѣ съ тѣмъ безсердечной женщины изъ «современныхъ».

Сюжетъ въ высшей степени богатый и своевременный. Ничтожныя личности народились и среди женщинъ-врачей, и фельдшерницъ-акушеровъ, и благодѣтельница съ «наслѣдствами», наряду съ глубокими и чуткими натурами въ этой средѣ. Онѣ заслуживаютъ усиленнаго вниманія бытописателя. «Ремесленницы» всякой профессіи понижаютъ нравственный энтузіазмъ мужчинъ гораздо болѣе, чѣмъ Марейники изъ «Обрыва». Не корча изъ себя «ученыхъ и ханжей», наши Марейники умѣютъ, по крайней мѣрѣ, «отъ сердца сердцу говорить», по выраженію Фауста, и въ этомъ ихъ преимущество предъ Лидой г. Чехова, которую онъ хотѣлъ возвести въ типъ барышни, страдающей «умственной гордостью» при изученіи учебниковъ. Но г. Чехову не удалось представить обстоятельно эти типы современной намъ жизни. Къ чертамъ новаго типа среди трудящихся женщинъ авторъ присоединилъ такіа, которыя совершенно не вяжутся съ холодностью и черствостью Лиды, а ея разговоры съ художникомъ—нисколько не свидѣлствуютъ объ ея умственной ограниченности. Даже ея поведеніе съ нимъ объясняется тѣмъ, что она не уважала его, и быстрое удаленіе ея сестры изъ усадьбы показываетъ только ея характеръ и практическій тактъ въ такомъ дѣлѣ, какъ увлеченіе юной сестрички недостойнымъ человекомъ. Мы бы и не остановились на этомъ человекѣ, еслибы у насъ не возникалъ вопросъ о томъ, не говоритъ ли его устами, по весьма важнымъ сторонамъ русской жизни, самъ г. Чеховъ? Антипатію къ Лидѣ авторъ влагаетъ и своему герою. Когда она радостно рассказывала о намѣреніи земства устроить вблизи усадьбы медицинскій пунктъ, герой съ неудовольствіемъ замѣтилъ:

«— По моему мнѣнію, медицинскій пунктъ въ Малоземовѣ вовсе не нуженъ».

«Мое раздраженіе передалось и ей; она посмотрѣла на меня, прищуривъ глаза, и спросила:

«— Что же нужно? Пейзажи?

«— И пейзажи не нужны. Ничего там не нужно.

«Она окончила снимать перчатки и развернула газету. Через минуту она сказала тихо, очевидно сдерживая себя:

«— На прошлой недѣлѣ умерла отъ родовъ Анна, а еслибы по близости былъ медицинскій пунктъ, то она осталась бы жива. И господа пейзажисты, мнѣ кажется, должны бы имѣть какія нибудь убѣжденія на этотъ счетъ.

«— Я имѣю на этотъ счетъ очень опредѣленное убѣжденіе, увѣряю васъ,—отвѣтилъ я, а она закрылась отъ меня газетой, какъ бы не желая слушать.—По моему, медицинскіе пункты, школы, библиотечки, аптечки, при существующихъ условіяхъ, служатъ только поработенію. Не то важно, что Анна умерла отъ родовъ, а то, что всѣ эти Анны, Мавры, Пелагеи съ ранняго утра до потемокъ гнутъ спины и болѣютъ отъ непосильнаго труда. Вы приходите къ нимъ на помощь съ больницами и школами, но этимъ не освобождаете ихъ отъ путъ, а, напротивъ, еще больше поработаете, такъ какъ, внося въ ихъ жизнь новые предрасудки, вы увеличиваете число ихъ потребностей, не говоря уже о томъ, что за мушки и за книжки они должны платить земству и, значитъ, сильнѣе гнуть спину. Устраните главную причину—физическій трудъ,—и тогда не будетъ болѣзней. Да. Возьмите на себя долю ихъ труда. Еслибы всѣ мы, городскіе и деревенскіе жители, всѣ безъ исключенія, согласились подѣлить между собою трудъ, который затрачивается вообще человѣчествомъ на удовлетвореніе физическихъ потребностей, то на каждого изъ насъ, быть можетъ, пришлось бы не болѣе двухъ-трехъ часовъ въ день. Представьте, что всѣ мы, богатые и бѣдные, работаемъ только три часа въ день, а остальное время у насъ свободно. Всѣ мы сообща отдаемъ этотъ досугъ наукамъ и искусствамъ. Какъ иногда мужики міромъ починаютъ дорогу, такъ и всѣ мы сообща, міромъ, искали бы правды и смысла жизни, и—я увѣренъ въ этомъ—правда была бы открыта очень скоро, человѣкъ избавился бы отъ этого постоянного мучительнаго, угнетающаго страха смерти, и даже самой смерти. Не грамотность нужна, а свобода для широкаго проявленія духовныхъ способностей. Нужны не школы, а университеты. Науки и искусства, когда они настоящія, стремятся не къ временнымъ, не къ частнымъ цѣлямъ, а къ вѣчному и общему,—они ищутъ правды и смысла жизни, ищутъ Бога, душу, а когда ихъ пристегиваютъ къ нуждамъ и злобамъ дня, къ аптечкамъ и библиотечкамъ, то они только осложняютъ, загромождаютъ жизнь. Мы—вышнія существа, и еслибы въ самомъ дѣлѣ мы сознали всю силу человѣческаго генія и жили бы только для высшихъ цѣлей, то въ концѣ концовъ мы стали бы, какъ боги. Но этого никогда не будетъ,—человѣчество вырождается и отъ генія не останется и слѣда».

Эти мысли о вырожденіи генія отъ «злобы дня» весьма характеристичны для разумѣнія будущей дѣятельности самого г. Чехова. Онъ несомнѣнно, устами своего героя, хочетъ доказать несостоятельность Лиды, и вопросъ возникаетъ только о томъ, въ какой степени самъ г. Чеховъ исповѣдуетъ философію своего героя о томъ, что школы, библиотечки и земская врачебная дѣятельность—вредны при настоящихъ условіяхъ и отводятъ наше общество въ сторону отъ «вѣчныхъ цѣлей» прогресса. Сами по себѣ, мысли о физиче-

скомъ трудѣ для каждаго и «мірской работѣ», разумѣется, справедливы, хотя не новы, и напоминаютъ идеализмъ Беллами или Л. Н. Толстаго. Но какъ только эти мысли направлены противъ первыхъ ступеней къ тому же самому конечному идеалу; какъ только онѣ противопоставляются въ данномъ случаѣ дѣятельности просвѣщенной дѣвушки въ деревнѣ, съ обвиненіями ея въ утилитаризмъ, такъ сейчасъ же и вспоминается комическая борьба «Сѣвернаго Вѣстника» противъ «временныхъ» цѣлей позитивнаго искусства во имя «метафизическаго идеализма», о которомъ умница Лидя весьма основательно отозвалась въ лицо своему противнику: «Подобныя милыя вещи говорятъ обыкновенно, когда хотятъ оправдать свое равнодушіе». Разумѣется, послѣ такихъ бесѣдъ, они не могли симпатизировать другъ другу. Она, по молодости и горячности своего сердца, не уважала его за разницу во взглядахъ на прогрессъ и ей было больно отдать ему свою сестру. Однако, образъ ея остается очень тусклымъ и при томъ понятіи, какое имѣетъ о ней самъ г. Чеховъ, и при нашемъ. Точно также лѣнивый художникъ изъ пейзажистовъ, воображающій, что для души не нужны «библіотечки», для «просвѣщенія» не нужна грамотность, а для сокращенія труда—здоровье съ врачебной помощью — чрезвычайно блѣденъ со своими рѣчами о вѣчныхъ цѣляхъ, въ предѣлахъ туманной и ограниченной философіи г. Чехова. Можно подозрѣвать, что серьезная дѣвушка не любитъ этого пейзажиста не потому, чтобы она была тупой и ограниченной особой, а просто самъ герой ей не интересенъ и невыносимъ по своему направленію à la Вольтеръ изъ «Сѣвернаго Вѣстника». Вотъ почему его симпатіи обратились вскорѣ къ ея безсловесной сестрицѣ, о которой герой говоритъ: «Она не имѣла никакихъ заботъ и проводила свою жизнь въ полной праздности, какъ я». Ему нравились «ея блѣдное лицо, тонкая шея, тонкія руки, ея слабость, праздность, ея книги», и герой «подозрѣвалъ въ ней недюжинный умъ», хотя въ рассказѣ она ничѣмъ его не проявляетъ. «Пока говорили о земствѣ, она молчала. Она не принимала участія въ серьезныхъ разговорахъ», а когда пейзажистъ писалъ этюдъ, «она стояла возлѣ и смотрѣла съ восхищеніемъ»; кромѣ того.—«Кеня думала, что я, какъ художникъ, знаю очень многое и могу вѣрно угадывать то, чего не знаю. Ей хотѣлось, чтобы я ввелъ ее въ область вѣчнаго и прекраснаго, въ этотъ высшій свѣтъ, въ которомъ, по ея мнѣнію, я былъ своимъ человѣкомъ, и она говорила со мной о Богѣ, о вѣчной жизни, о чудесномъ. И я, не допускавшій, что я и мое воображеніе послѣ смерти погибнемъ навѣки, отвѣчалъ: «да, люди безсмертны, да, насъ ожидаетъ вѣчная жизнь». А она слушала, вѣрила и не тре-

бовала доказательствъ». Весьма возможно, что Лида и Женья — натуры совершенно разныя, но г. Чеховъ мало поработалъ надъ ними и, при блѣдности красокъ, получается скорѣе тотъ выводъ, что Лида — женщина будущаго, а Женья съ ея героемъ — празднолюбцы и фантазёры. Тѣмъ не менѣе, Женья нужна была г. Чехову для его симпатіи, а Лида для осужденія въ женщинѣ ея односторонности, матеріалистичности, даже при любви къ народу, особенно, когда она имѣетъ «двѣ тысячи десятинъ»... Досаднѣе всего, что г. Чеховъ ходитъ вокругъ да около цѣльнаго образа безсердечной женщины изъ «современныхъ» и не воспроизводитъ его въ «перлѣ созданія», какъ нѣкогда Тургеневъ воспроизвелъ своего Базарова. Для репутаціи замѣчательнаго художника въ новѣйшей русской беллетристикѣ совершенно недостаточно изящныхъ намековъ на обновляющуюся вокругъ насъ жизнь съ совершенно новымъ міросозерцаніемъ, со своеобразной дружбой, любовью, местию и т. д. Текущая жизнь — точно ледоходъ — даетъ изумительные образы людскихъ отношеній, столь же выпуклые и характерные, какъ въ свое время среда «Мертвыхъ Душъ» Гоголя; а вотъ до сихъ поръ у насъ нѣтъ на нихъ бытоваго писателя! Г. Чеховъ, кажется, всего менѣе думаетъ о томъ, чтобы приглядѣться къ этой совершенно измѣнившейся жизни и воспроизвести ее во всей широтѣ. Если мы нѣсколько торжественно говоримъ по адресу г. Чехова, то потому, что долгое время ждали отъ него или г. Короленка именно воспроизведенія измѣнившейся во всемъ нашей современной жизни; переходя же къ обзору произведеній гг. Потапенка, Станюковича, Салова, Лѣтковой и др., мы предъявимъ къ нимъ совсѣмъ инныя требованія. Размѣръ ихъ таланта значительно меньше и, если г. Станюковичъ нѣкогда пробовалъ въ романахъ «Безъ исхода» и «Омутъ» остановить свое вниманіе на людяхъ новѣйшей формаціи, то за послѣднее время онъ съѣхалъ на «Пассажиру», а въ нынѣшнемъ году пристроилъ въ «Русскую Мысль» — «Черноморскую сирену», которая, по самому своему заглавію, отвѣчаетъ исключительно пикантнымъ вкусамъ читателя... Въ этомъ духѣ такъ много написано романовъ и повѣстей, что только честная репутація названныхъ нами авторовъ и ихъ неумѣнье представить порокъ привлекательнымъ — оправдываютъ чтеніе подобнаго рода произведеній и старыми, и новыми. Въ «Черноморской сиренѣ» нѣкій литераторъ Оверинъ живетъ съ чужой женой, а потомъ пытается бросить ее для новой «Сирены». Послѣдняя, однако, даритъ ему цѣломудренную дружбу и очень удивлена, что не можетъ найти ее у мужчинъ, отвѣчающихъ ей признаніями въ любви. Авторъ сочувствуетъ ея негодованію на то, что Оверинъ, хотя и писатель-моралистъ, но

ленной ихъ общностью, которую г. Ивановъ хочетъ породнить совершенно различныя между собой музы. Но вѣдь средняя публика будетъ повторять аналогію—Никитина съ Лермонтовымъ и Шекспиромъ съ такимъ же апломбомъ, съ какимъ долгое время, съ легкой руки критиковъ, она не признавала гениальнаго ума Пушкина въ его бытовыхъ художественныхъ образахъ и психологическихъ замѣткахъ—только за то, что въ нихъ нѣтъ «естественно-научныхъ познаній», во вкусѣ Бюхнера или Молешотта, и недостаточно имѣется демократическихъ идей; а тощаго Надсона, напротивъ, раздувала до Пушкина... Третій критикъ «Русской Мысли», г. Протопоповъ, даровитѣе другихъ своихъ собратій по отдѣлу; но манера говорить дерзости и ругаться съ противникомъ значительно ослабляетъ достоинство его работъ. Отсюда, разбирая книгу г. Волынскаго: «Русскіе критики», г. Протопоповъ во многомъ, но бездоказательности и грубости, самъ угодобляется г. Волынскому. Оба они, по своему темпераменту, рѣдко знакомятъ читателя съ предметомъ, который подлежитъ ихъ обсужденію, зато даютъ сколько угодно «отсебятины». Рисуя очень блѣдно типъ современнаго «критика-декадента», г. Протопоповъ разноситъ г. Волынскаго въ многочисленныхъ извлеченіяхъ изъ его книги, дѣлая убійственное признаніе: «Никакого другаго декаданса (упадка) кромѣ своего собственнаго, личнаго, декаденты не представляютъ и не выражаютъ». Критиковать исключительно личность г. Волынскаго и не чувствовать въ немъ переходнаго настроенія въ нѣкоторой части русской литературы—значить совсѣмъ не понимать своего дѣла. Злое остроуміе по адресу ничтожныхъ писателей не можетъ высоко цѣниться въ литературѣ, когда такая работа остается безъ всякой связи съ судьбами литературы и ея теченіями.

Наиболѣе сносно, по внутреннимъ вопросамъ русской жизни, ведутся въ «Русской Мысли» «Очерки провинціальной жизни» г. Иванюкова и «Картинки современныхъ нравовъ» г. Станюковича. Обличительное ихъ направленіе не голословно и, конечно, составители не виноваты въ томъ, что отмѣчаютъ изъ провинціальной жизни по преимуществу скорбные факты и стараются ими пробудить общественную совѣсть. Замѣтки: «Изъ литературныхъ наблюденій» какого-то О. Т. В. должны быть всегда составлены щегольски въ такъ называемомъ «толстомъ» общелитературномъ журналѣ, а въ «Русской Мысли» они скомпилированы небрежно и изложены такимъ сухоннымъ языкомъ, что не оставляютъ послѣ себя никакого впечатлѣнія. Авторъ жалуется на кулачныя расправы, которыми за послѣднее время подвергались во многихъ мѣстахъ редакторы повременныхъ изданій, и, въ смотря на весь ужасъ подоб-

ныхъ звѣрствъ, тутъ же благодушно присовокупляетъ: «Мы не боимся указывать на печальныя и возмутительныя явленія нашей жизни, потому что у насъ неистощима вѣра въ добрыя силы русскаго народа, потому что на нашихъ глазахъ растетъ и крѣпнетъ самосознаніе русскаго общества. Не жалуемся мы и на упадокъ литературы, потому что повсюду видимъ движеніе мысли. Мало крупныхъ художественныхъ дарованій,—это вѣрно,—но вовсе ужъ не оскудѣла и ими русская земля. Образовались на нашемъ художественномъ древѣ болѣзненные наросты, какъ символизмъ, декадентство, но имъ не заглушить свѣжихъ, здоровыхъ побѣговъ. Жаль, конечно, что на это уходитъ частица силъ, которой слѣдовало бы пожелать лучшаго употребленія, но въ семь лучшемъ изъ міровъ не все же совершается безукоризненно и безошибочно». Вѣдь, право, это «но» напоминаетъ намъ одного очень извѣстнаго героя Щедрина!

Переходя къ научнымъ статьямъ «Русской Мысли», слѣдуетъ вообще замѣтить, что наши «ученые» либерально-еврейскаго направленія совершенно не владѣютъ изящной и ясной формой русскаго языка, и потому нужно быть особеннымъ любителемъ, чтобы читать на техническомъ языкѣ ихъ философію. Самый любопытный предметъ они такъ ухитряются трактовать, что получишь къ нему отвращеніе. Въ доказательство ссылаемся на статьи гг. Струве, Оболенскаго и Гольцева по вопросу объ «Экономическомъ матеріализмѣ». Говорятъ всѣ трое по одному и тому же вопросу, но такимъ варварскимъ языкомъ, что одинъ другаго не понимаетъ и каждый хвастается тѣмъ, что онъ ученѣе и талантливѣе другаго...

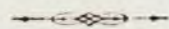
Иногда также невольно пожмешь плечами, встрѣчая въ современномъ органѣ печати, какимъ тщится быть «Русская Мысль», статьи болѣе умістныя въ спеціальныхъ изданіяхъ, напр., «Шведская война 1788—90 гг.» А. Брикнера; «Леонардо да-Винчи. какъ естественный испытатель», А. Столѣтова и т. д.

Не безъинтересны статьи: «Какъ и что читаетъ народъ въ восточной Сибири» Л. Личкова; «Какъ и на какихъ началахъ достигла Англія всеобщаго обученія своего населенія» А. Миклашевскаго; «Необходимость отмены тѣлесныхъ наказаній» В. Семейскаго; «Голосъ провинціи въ вопросѣ о народныхъ чтеніяхъ» В. Сторожева и т. д. Но общій ихъ недостатокъ—въ неумѣньѣ авторовъ оживить цифры и факты собственнымъ индивидуальнымъ настроеніемъ, безъ котораго даже новый матеріалъ подтверждаетъ только старыя мысли, давно усвоенныя публикой. Вотъ почему каждая новая книжка лавровско-ремезовскаго альманаха,—отличающаяся болѣе грузностью своего вѣшняго вида, чѣмъ внутренней

содержательностью,—просто валится изъ рукъ читателя, дорожащаго своимъ временемъ и испытывающаго отѣкъ мозга при чтеніи однѣхъ и тѣхъ же прописныхъ мыслей въ каждомъ номерѣ журнала, безъ малѣйшей новизны и движенія впередъ, не смотря на новыя имена.

При этомъ «Русская Мысль» съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе утрачиваетъ физіономію литературно-политическаго журнала и напоминаетъ какой-то сборникъ скучныхъ и мало талантливыхъ статей, рѣшительно не обязывающихъ симпатизировать ни одному изъ тѣхъ теченій, которыми идетъ политическая и общественная жизнь Россіи. Въ то время какъ, на примѣръ, «Русское Богатство» представляетъ собой журналъ съ идеалами европейскаго народничества; «Новое Слово» — съ отечественнымъ народничествомъ, «Вѣстникъ Европы» — съ идеаломъ буржуазно-европейскаго государства; «Русскій Вѣстникъ» — съ реакціонной программой временъ Бурачка и Асоченскаго; «Наблюдатель» — передовѣй-національный журналъ, отстаивающій прогрессивное движеніе *русскаго* государства и общества, и воюющій съ инородческими претензіями (преимущественно съ юдофильствомъ) и т. д., — «Русская Мысль» умудрилась стать въ оппозицію только къ Л. Тихомірову, Говорухѣ-Отроку, Розанову, и тутъ же одновременно къ Л. Н. Толстому. Бѣдшаго безсмыслия трудно придумать даже для литературно-политическаго альманаха, въ какой бы степени онъ ни толстѣлъ съ каждымъ годомъ, все ухудшая качество литературнаго матеріала и бумаги, на которой печатается. А между тѣмъ хотѣлось бы въ немъ видѣть выразителя опредѣленныхъ культурныхъ теченій, за послѣднее время, въ общественной и политической жизни Россіи. Неоднократно высказанные взгляды «Русской Мысли» на дѣятельность московскихъ «охранителей» какъ бы аттестуютъ этотъ журналъ съ извѣстной стороны: но цѣльную физіономію онъ долженъ выработать собственными силами, не довольствуясь общими мѣстами о «человѣколюбіи, свободѣ и просвѣщеніи», которыми удобно прикрываются самыя гнусныя и деспотическія еврейскія вождельнія. Неужели же «Русская Мысль» безсильна внести въ дѣло журналистики свое собственное разумѣніе прогресса; неужели среди ученой корпораціи города Москвы такъ мало людей съ темпераментомъ журналистовъ, чтобы дѣйствительно сдѣлать «Русскую Мысль» «литературно-политическимъ» изданіемъ?

Безпристрастный.

Мас I, 150

(Толстовскі) Е. Ч. ?
См. все см. см.
Масовъ
в 7. IV